

МАРТА ЯСКОЛ поправка на ветер

Следствие ведет
Маруся Левкова

Детектив Марты Яскол
заслуживает вашего сердца.
Потому что написан сердцем.

АНТОН ЧИЖ

Следствие ведет Маруся Левкова

Марта Яскол

Поправка на ветер

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Яскол М.

Поправка на ветер / М. Яскол — «Эксмо», 2022 — (Следствие ведет Маруся Левкова)

ISBN 978-5-04-163215-1

«Поправка на ветер» — это увлекательная детективная история, в центре которой оказывается обычная девушка Маруся Левкова, работающая врачом. Она не может оставаться в стороне и начинает собственное расследование, ступая по следам убийцы. Под подозрение попадают все Марусины знакомые, ей приходится тщательнее присматриваться к ним: действительно ли они те, кем хотят казаться в глазах людей? В романе «Поправка на ветер» Марта Яскол погружает читателя в маленький тихий городок Чкаловск, в котором все друг друга знают. Писательница держит интригу до последних страниц, вынуждая гадать: кто же на самом деле убийца?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163215-1

© Яскол М., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	14
4	19
5	22
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марта Яскол

Поправка на ветер

Все персонажи, место действия и события, кроме общеизвестных, вымышлены, любые возможные совпадения случайны.

© Марта Яскол, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть первая

1

Он шел за ней по пятам от костела Святого Иоанна. Ну, не то чтобы по пятам, но дистанция неумолимо сокращалась, и Маруся затылком чувствовала его тяжелый взгляд, выдающий явно нехорошие намерения. Зачем?! Зачем она после работы потащилась в Старый город?! С какого перепугу ее туда понесло? Сидела бы сейчас дома, напившись чаю с конфетами, с вязанием под любимым оранжевым торшером. Так нет, прогуляться, видите ли, решила. Приключений на свою голову захотелось. И что теперь делать?

Она ускорила шаг, преследователь сделал то же самое. Очевидно, собирается напасть и дожидается удобного момента. Значит, надо не дать ему такого шанса! До дома минут двадцать ходьбы, впереди уже видна приметная вывеска ателье индпошива с двумя летучими мышами, растопырившими перепончатые крылья. За ателье нужно повернуть направо, через два квартала – налево, пройти через парк... Черт, через парк! Темные аллеи, будь они неладны. Остается надеяться, что в парке сейчас еще кто-нибудь гуляет.

Маруся посмотрела по сторонам и обнаружила, что идет по совершенно пустынной узкой извилистей улице, ни одного горящего фонаря, даже окна домов не светятся. Спать, что ли, все легли? Время-то детское! В тишине слышны только шаги преследователя, ее собственные шаги и учащенный стук сердца, сжавшегося от страха. Она пошла еще быстрее, почти побежала. Бежать по брусчатке в босоножках на «платформе» было тяжело, в них и по асфальту не очень-то побегаешь. Улицу окутал густой туман, сквозь который с трудом пробивался мертвенно-бледный свет полной луны. Маруся ощутила прямо за спиной чужое прерывистое дыхание. Оглянуться не успела – ее схватили за шею, и железное кольцо начало сжиматься. Дышать стало трудно, вот уже и совсем невозможно... Она судорожно попыталась оторвать мертвенно-холодные руки от горла, чувствуя, как в легкие, вытесняя остатки воздуха, заползает туман... или дым? Глаза застлала темная пелена, едкий запах дыма заглушил все другие ощущения. Рванулась из последних сил – и провалилась в черноту...

* * *

Маруся вскинулась и села в постели, обливаясь холодным потом. За окном – непроглядная темень, часы показывают два часа ночи. Держась за горло, зашла кашлем. Привидится же такой кошмар! Но что это? Похоже, запах дыма ей не приснился!

– Пожар! Горим! – истошно закричали в коридоре.

Она скатилась с тахты и, как была в пижамных коротких штанишках и маечке в бабочках, выскочила из своей комнаты. Дым валил с лестницы, где горели, судя по всему, деревянные ступеньки. По коридору с воплями и мокрыми тряпками носились, то и дело сталкиваясь друг с другом, соседки Маруси по коммунальной квартире – жена прапорщика Шведова Татьяна и супруга подполковника Савчука Ада Борисовна. Их мужья, Николай и Алексей Михалыч, заливали очаг возгорания водой.

– Что случилось? Пожарных вызвали? – спросила Маруся, вжимаясь в стену. Если б она этого не сделала, ее наверняка сбила бы с ног Татьяна Шведова, ощутило превосходившая Марусю в росте и весе.

– Сами справимся, – буркнул Савчук, топоча мимо Маруси в обнимку с десятилитровой кастрюлей, половину воды из которой он расплескал по дороге. – Уйми пока этих куриц, раскудахтались без толку! – Подполковник подбородком указал на испуганных женщин.

Из ванной доносился шум хлеставшей из крана воды. Еще одну наполненную водой емкость вслед за Михалычем поволок на лестницу Коля Шведов. По его короткому, но выразительному взгляду Маруся поняла, что ее штанишки в бабочках не остались незамеченными. Фыркнув, она помчалась в кладовку за тазиком, тряпкой и прочими подручными средствами пожаротушения...

Когда пожар потушили, лестница выглядела не лучшим образом: обугленные ступеньки и балясины, закопченные стены со следами потеков, не говоря уже о запахе. Обитатели квартиры, полуодетые, встрепанные, красные, мокрые и возбужденные, собрались на общей кухне. Разумеется, желающих взять на себя ответственность за происшествие не нашлось. Между тем было абсолютно очевидно, что причиной пожара стало ведро с тлеющим угольным брикетом, предназначенным для утреннего экспресс-растопливания плиты. Точнее, не само ведро, а то, что какая-то разиня поставила его вместо сложенных специально для этой цели кирпичей прямо на деревянные ступени, которые в результате и загорелись.

Маруся занимала одну из комнат в трехкомнатной квартире на втором этаже старинного двухэтажного дома. В двух других комнатах жили Савчуки и Шведовы. Подполковнику Савчуку, которого недавно перевели из другого гарнизона с повышением на должность заместителя командира полка вообще-то полагалась отдельная квартира. Жилье ему выделили, но там шел ремонт, и Алексея Михалыча с супругой временно поселили хоть и в коммуналке, зато в хорошем месте недалеко от Старого города.

Еду жильцы дома готовили на плите, которую топили угольными брикетами. Такими же брикетами топились и титан, нагревающий воду. Чтобы с утра быстрее растопить плиту, накануне вечером дежурный по квартире выгребал из топки тлеющий брикет в ведро, сверху присыпал золой, выносил ведро на лестницу и оставлял его на специально уложенных кирпичках. Утром печь загружали свежими брикетами, клали туда горящий запал и – опля! – через пятнадцать минут в топке разгорался огонь.

– Кто сегодня, вернее, вчера был дежурный? – хмуро спросил Савчук.

Маруся вспомнила школьные уроки английского, неизменно начинавшиеся с этого сакрального вопроса, и хихикнула. Подполковник Савчук строго взглянул на нее.

– Я рад, что тут хоть кому-то весело! Так кто дежурный? Чистосердечное признание смягчает, так-сказать...

– Ну, я, – гулким басом отозвалась Татьяна Шведова. – Но я не ставила ведро на доски!

Приземистый и кругленький, как колобок, подполковник глянул на Шведову снизу вверх и погрозил ей пальцем.

– Опять нарушаешь правила советского общежития, Татьяна? Водятся за тобой грешки! В следующий раз ты весь дом спалишь! Придется, так-сказать, принять меры.

– Да не я это! – зычно возмутилась жена прапорщика. – Аде Борисовне вчера сервант привезли, пока заносили к вам в комнату, на лестнице и в коридоре натоптали и намусорили, она убиралась потом, вот, наверное, и переставила ведро с брикетом! А я весь вечер у себя в комнате просидела, Колю ждала, он со службы позже обычного вернулся...

Николай Шведов, переводивший взгляд с одной подозреваемой на другую, поежился, шмыгнув носом, подтянул полосатые «семейные» трусы и опустил глаза.

– Поклеп! – Благоверная подполковника запахла на худосочной груди байковый халат и поджала тонкие губы. – Я не ставила ведро на ступени! А кое-кому давно пора научиться отвечать за свои поступки!

– Сама ты... – начала Татьяна, но в этот момент ее озарила, как ей показалось, догадка. – А может, это Мару...

– У меня алиби, – пресекла поползновения Шведовой Маруся, – я вчера допоздна была на репетиции. Двадцать восемь свидетелей – весь наш танцевальный ансамбль – могут это подтвердить.

– Вот видите! – Ада Борисовна потрогала бигуди и убедилась, что все на месте. – Она уже даже запаслась алиби и тремя десятками свидетелей!

– Тихо все! – скомандовал подполковник. – Видимо, кто-то из вас врет. Вопрос в том, кто?

– А я думаю, – снова встряла Маруся, – что и Татьяна, и Ада Борисовна говорят правду.

Обе соседки воззрились на нее с удивлением. – Татьяна говорит, что не ставила ведро на голые доски, и это так, – начала излагать свою версию Маруся. – Ада Борисовна тоже утверждает, что не ставила ведро с брикетом на деревянные ступеньки и не переставляла его с кирпичей в другое место. Это тоже правда, я, когда пришла домой, не видела его на ступенях. Кто же его тогда туда поставил? Тот, кто, вернувшись домой со службы, зашел на кухню попить водички, вспомнил о дежурстве своей супруги и о своем ей обещании вынести ведро с углями, выгреб золу и понес ведро на лестницу. Вот только по... рассеянности поставил его не на кирпичи, а прямо на ступеньки. Коля, ведь так дело было?

Участники разбора полетов, словно по команде повернули головы и посмотрели на побавровевшего прапорщика Шведова.

– Виноват, – пробурчал Николай, – уставший был, плохо соображал...

– Точнее, сильно нетрезвый, практически на рогах... – тихо, но отчетливо, чтобы услышали все заинтересованные лица, процедила Ада Борисовна. – Вон амбре какое, без противозага не подступиться!

– А это залет, Коля, – в раздумье почесал затылок Савчук. – Пожар по пьяному делу – тут выговором не отделаешься... Или я что-то не так понял? – Подполковник посмотрел на сжегившегося прапорщика.

– Я все исправлю! – засуетился Коля. – Сейчас сбегая к Сидорову, попрошу, чтоб он своих хлопцев из деревообрабатывающего цеха организовал, мы до утра все починим! Не губите! К подъему все будет как новое!

– И-и-и эх! – махнул рукой подполковник Савчук. – Ни на кого нельзя положиться! В смысле никому нельзя доверять, так-сказать, – быстро поправился он, покосившись на супругу. – У тебя, Шведов, четыре часа, время пошло... И не трепаться там!

– Не ты ты, Маруся, профессию выбрала, – заискивающе, будто и не пыталась десять минут назад обвинить Марусю в поджоге, сказала Татьяна Шведова. – Ну какая медицина? Тебе бы в следственных органах работать!.. Колька, чего застыл? Беги к Сидорову, падай ему в ноги! Шевелись, горе мое! Я с тобой позже разберусь!

Придавая мужу ускорение, Татьяна легонько ткнула его в плечо, отчего Николай сделал резкий рывок вперед, споткнулся о пустую кастрюлю и едва удержался на ногах. Кастрюля с грохотом покатилась по коридору, подполковник Савчук поморщился, словно от зубной боли, и покачал головой.

– Я люблю свою работу! – пискнула Маруся вслед удаляющимся с поля боя супругам.

Вернувшись в свою комнату, она забралась с ногами в любимое кресло возле торшера. Уснуть после такой встряски вряд ли удастся. Протянув руку, оторвала от висящего на стене календаря листок. «1976 – июль – 26 – понедельник». Посмотрела на часы: уже почти пять часов как вторник, двадцать седьмое июля. Скоро август, а ведь еще совсем недавно было начало марта и новой Марусиной жизни здесь, в Чкаловске.

2

Если бы за праздничным столом, под бой курантов, возвестивших о наступлении нового, 1976 года, кто-то предсказал ей, что через несколько месяцев она окажется в самой западной точке СССР – в Калининградской области – и будет работать терапевтом в небольшом гарнизонном госпитале, Маруся Левкова ни за что бы не поверила.

До определенного момента в ее жизни все было легко и просто. Врачом Маруся, выросшая в семье военного, мечтала стать с детства. Мама – медсестра – частенько брала дочку с собой на работу, и к окончанию школы девочка обожала запах медикаментов, умела с завязанными глазами делать уколы, измерять давление и разбираться в лекарствах. Кочевая гарнизонная жизнь дала ей определенную закалку и научила философски относиться к бытовым неудобствам.

Маруся хорошо училась в школе, сама, без так называемого блата, поступила в Полтавский мединститут, который окончила с красным дипломом. Интернатуру проходила в Киеве в окружном госпитале, где молодому, но толковому и старательному терапевту и предложили остаться. Работу свою она действительно любила и считала самой благородной на свете, хоть и соглашалась с персонажами новой комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». «И все-таки у нас с вами самые замечательные профессии, самые нужные», – говорил врач Женя Лукашин, главный герой фильма, учительнице Наде Шевелевой. «Судя по зарплате, нет», – с улыбкой отвечала та. Впрочем, Маруся на свою зарплату не жаловалась. Она вообще ни на что не жаловалась, смотрела на мир широко распахнутыми серыми глазами, летала на крыльях любви и собиралась замуж за Вадика Комарова, подающего большие надежды кардиохирурга-аспиранта из их института.

С Вадиком тоже все было просто и понятно: любовь с первого взгляда, прогулки под луной и разговоры обо всем на свете, кафе-мороженое, билеты в кино на «места для поцелуев» в последнем ряду, наконец, как нечто само собой разумеющееся – заявление в ЗАГС. Родители и жениха, и невесты хотели свадьбу по всем правилам, а Маруся хотела сразу после росписи в ЗАГСе махнуть, к примеру, на Байкал: там, говорят, такая природа, по сравнению с величием которой родные пейзажи покажутся декорациями для спектакля в кукольном театре. Ну, или в Крым, к морю и солнцу... Чего хотел Вадик, Маруся не знала, но пребывала в уверенности, что он хочет того же, чего и она. А потом случилась банальная, в общем-то, история. Накануне свадьбы Маруся неожиданно для Вадика нагрянула в аспирантское общежитие и застала его в постели со своей лучшей подругой Викой, в одночасье лишившись и жениха, и лучшей подруги.

Такая вот ирония судьбы!

– Скажи спасибо, что это обнаружилось до вашей свадьбы, а не после, – вздохнула мама, когда Маруся рассказала ей, почему свадьбу придется отменить. – И не плачь, было бы из-за кого плакать. Не нужны тебе ни этот подлый бабник, ни Вика, кукла бездушная. Вообще, главное, чтоб все родные были живы и здоровы, а остальное можно пережить.

Мама, конечно, была права. Но пережить предательство тех, кого Маруся считала близкими людьми, никак не получалось. Ныла душа, на работе, в госпитале, все буквально валилось из рук, что не могло укрыться от глаз коллег и пациентов.

– Что-то я не узнаю нашу Марусю, девицу-красавицу. Почему глаза на мокром месте? – командирским баритоном поинтересовался дядя Саша, старинный друг и сослуживец ее отца, а ныне – ее пациент. – А ну докладывай, что стряслось!

Маруся, которая зашла измерить ему давление, неожиданно для себя расплакалась, уткнулась хлюпающим носом в его пижаму и рассказала все как на духу. Дядя Саша внима-

тельно выслушал, смешно подвигал густыми бровями и сообщил, что душевные травмы лучше всего лечить сменой обстановки.

– В этом я как раз могу тебе помочь, я все-таки замкомандующего округом. Хочешь? Хотя жаль, конечно, такого доктора от себя отпускать. Родители-то не будут возражать?

– Хочу, хоть к черту на кулички! – Маруся покраснела и потупилась. – Мама с папой меня поймут.

Дядя Саша внимательно посмотрел на нее поверх очков:

– И я понимаю. Но не одобряю. Зачем же такой милой девушке к черту на кулички? Есть более приемлемые варианты. Калининградская область, например. Я там служил когда-то – прекрасные места! Начальник штаба Прибалтийского военного округа – мой одноклассник по Академии Генштаба, думаю, им там толковые врачи не помешают. Интересная работа, большая практика. Поедешь?

– Поеду, – не задумываясь, ответила Маруся.

– Вот и ладушки, завтра же позвоню. А мокрое дело разводить прекращай. Все будет хорошо, уж поверь мне...

* * *

Так она оказалась в Чкаловске – небольшом городке в семидесяти километрах от Калининграда. Чкаловск Марусе понравился, особенно так называемый Старый город – со зданием ратуши на центральной площади, узкими мощеными улочками, тесно прижавшимися друг к другу домами под черепичными крышами, увенчанными остроконечными башенками. В отличие от большинства городов и поселков Калининградской области исторический центр Чкаловска не сильно пострадал во время войны и практически сохранился в первозданной красе. В ухоженном городском парке с дорожками, чугунными фонарями, скамейками, прудом и плавающими в нем утками Маруся могла бродить часами.

Как выяснилось позже, Чкаловск, до Второй мировой носивший название Хайлишен, имел бурную историю, что добавило его облику колорита и породило множество легенд, тайн и загадок. На политзанятиях, которые с личным составом госпиталя проводил пропагандист полка, Маруся почерпнула немало интересной информации. Оказалось, что до тринадцатого века в этой местности, называвшейся Надровией, проживали племена пруссов, позже ее захватили немецкие рыцари Тевтонского ордена, которые в четырнадцатом веке построили замок Норденбург. В замке – в разное, разумеется, время – побывали Петр Первый, Наполеон и основатель классической философии Иммануил Кант, который в молодости работал учителем в расположенной неподалеку деревеньке Юдтшен... В 1860 году недалеко от города прошла железная дорога Берлин – Кенигсберг – Каунас, благодаря которой в Хайлишене появились несколько заводов и фабрик. В годы Первой мировой на территории Восточной Пруссии русские войска сражались с германскими, во Вторую мировую, в августе сорок четвертого, окрестности бомбила английская авиация, а в конце января 1945 года сюда пришла Красная армия.

После войны северную часть Восточной Пруссии передали Советскому Союзу. Образованную в составе РСФСР Кенигсбергскую область после смерти «всесоюзного старосты» Калинина переименовали в Калининградскую, а Кенигсберг – в Калининград. Немцев и литовцев, которые жили на этих землях, выселили в Германию, в то же время в Калининградскую область переселили тысячи семей сельхозрабочих и колхозников из областей РСФСР и союзных республик...

В Чкаловске размещались несколько воинских частей. Маруся в этом не очень разбиралась, но, как ей рассказал при первом знакомстве начальник госпиталя, в городе дислоцировались танкисты, отдельный батальон химзащиты, батальон связи, склады вооружений и техники... Самая крупная часть – авиационный истребительный полк, поэтому начальником

гарнизона Чкаловска был командир авиаполка. В нескольких километрах от города располагался военный аэродром.

Солдаты срочной службы жили в казармах на территориях частей, огороженных заборами с колючей проволокой и оборудованных контрольно-пропускными пунктами. Офицеры, прапорщики и вольнонаемные – в городе, в домах офицерского состава, в просторечии именуемых ДОСами. Старшие офицеры обычно занимали отдельные квартиры, остальные жили в коммунальных – с общей кухней и санузелом. Часть ДОСов располагалась в районе Старого города, часть – на окраине, где специально для военных построили целый микрорайон из панельных многоэтажек.

В гарнизоне имелись военторговские магазины, парикмахерская и небольшой госпиталь. Центром общественной жизни был Дом офицеров, где проходили торжественные собрания и концерты, работали библиотека, кинотеатр и кружки художественной самодеятельности.

Маруся, девушка открытая и общительная, без малого за пять месяцев жизни в Чкаловске изучила правила гарнизонной жизни и вполне освоилась. Местные жители ничем не отличались от многонационального населения городов в глубине страны, разве что чаще встречались литовцы, с почти неуловимым специфическим акцентом, и поляки, которые, впрочем, собственную национальность не афишировали.

* * *

Размышляя о своей жизни до и после переезда в Чкаловск, Маруся пристроила поудобнее голову на спинку кресла и не заметила, как уснула. Открыв глаза, глянула на часы и от ужаса чуть не свалилась с кресла – проспала! Не хватало еще на работу опоздать! Достанется ей тогда от начмеда Воронова на орехи, он и так ей спуску не дает. Вскочив, заметалась по комнате, сбегала в ванную, повела носом в сторону кухни, но времени на завтрак уже не оставалось. «Я еще не опаздываю, еще не опаздываю», – бормотала Маруся, прыгая на одной ноге, а на вторую пытаясь натянуть скрутившуюся жгутом брючину. «Не виноваты брюки, если руки-крюки», – сами собой сложились в голове дурацкие стишки. Наконец она схватила сумку и выбежала из комнаты. По дороге отметила, что Николаю Шведову таки удалось уговорить неведомого ей Сидорова «организовать своих хлопцев» из деревообрабатывающего цеха: место сгоревших ночью ступенек заняли новые, пара человек в «треуголках» из газет белили огромными щетками, макая их в ведра с известью, закопченные стены коридора.

Глоток свежего воздуха и ласковый луч утреннего солнца моментально подняли Марусе настроение. Дорога от дома до работы занимала у нее в худшем случае минут десять, поэтому опоздание было не фатальным. Госпиталь располагался в старинном двухэтажном особняке с садом и высоченным чугунным забором. Госпиталем он стал называться недавно, после реорганизации и укрупнения, а до этого именовался просто медсанчастью.

Однако попасть на работу вовремя Марусе в тот день, очевидно, было не суждено. На подступах к КПП она увидела высокую эффектную блондинку в элегантном брючном костюме, которая махала ей рукой.

– Данута! Рада тебя видеть. Ты что здесь делаешь?

– Привет, Маруся, – улыбнулась блондинка. – Хотела тебя предупредить, что сегодня с примеркой не получится. Я на пару дней уеду к тете, вернусь послезавтра. Тогда можно будет встретиться. Часов в восемь вечера. Придешь?

– Конечно! Разве я могу забыть? Жду не дожусь, когда моя новая юбка будет готова. Надеюсь, она получится, точь-в-точь как на картинке в «Бурде»!

– Хорошо, – кивнула Данута, – буду тебя ждать.

С Данутой Марусю познакомила соседка Ада Борисовна. Данута шила на дому, шила хорошо и брала за работу относительно недорого, а Маруся в тот момент хотела новый летний

сарафан. Сарафан получился на славу, девушки друг другу понравились и подружились. Оказалось, что у них похожие взгляды на современную моду и вообще на жизнь. У обеих появилась возможность поплакаться кому-то в жилетку.

Подруги уже прощались, когда из-за поворота показался начальник гарнизонного Дома офицеров, известный на весь Чкаловск ловелас капитан Артемьев. Завидев Дануту, он тут же «распустил хвост».

– Доброго утречка! Мы, кажется, знакомы? Не напомниме, где мы с вами виделись?

– Не помню. – Улыбка Дануты стала напряженной.

– Вы ведь приятельница нашей Марусеньки? – не унимался Артемьев. – Тогда позвольте представиться еще раз. Капитан Артемьев, главный в гарнизоне по культурной части и связям с местной общественностью. – Он картинно тряхнул головой, изображая поклон. Марусе показалось, что даже щелкнул каблуками. Или не показалось? – А вы, если не ошибаюсь, Данута? Если вам будет нужна помощь в организации культурного отдыха, я весь к вашим услугам!

– Спасибо, но я не нуждаюсь в ваших услугах, – вежливо, но твердо сказала Данута. – И я уже очень спешу. Всего доброго. Маруся, до встречи!

– Вы с Данутой действительно знакомы? – спросила Маруся Артемьева, когда ее приятельница отошла на приличное расстояние.

– Да разве всех упомнишь? Я, пожалуй, пойду, – загадочно улыбнулся капитан, шутливо отдал Марусе честь, замурлыкал «Сердце красавицы склонно к измене...» и быстро зашагал в сторону центра города.

Все время, пока Маруся возле КПП госпиталя разговаривала со своими знакомыми, ее не покидало ощущение, что за ними кто-то наблюдает. Когда она осталась одна, ощущение усилилось. По спине пробежал холодок. Она оглянулась, ничего и никого подозрительного не заметила, но неприятное чувство ее не покинуло.

Маруся забежала в вестибюль здания, которое когда-то было роскошным особняком, а ныне пропиталось запахом лекарств и хлорки, и сразу же наткнулась на того, кого жаждала увидеть меньше всего – своего непосредственного командира, начальника госпиталя Андрея Воронова. Впрочем, все по-прежнему называли его «начмедом», и вытравить эту привычку было, по всей видимости, невозможно. Майор, облаченный в белый халат, стоял на мраморной лестнице – остатках былой роскоши, заложив руки за спину, и сам был похож на мраморное изваяние греческого воина из учебника истории за шестой класс. Это сравнение Марусю рассмешило, и она чуть не расхохоталась.

– Опаздываем, Левкова? – с ехидцей в голосе спросил Воронов, окидывая коллегу ироническим взглядом. – А что это вы бежите, как на пожар? У нас тут до вашего появления ничего не горело... И что вас так развеселило? – Не на пожар, а с пожара, товарищ майор, всю ночь тушили наш ДОС, – ответила Маруся и прикусила язык, вспомнив, что подполковник Савчук настоятельно просил не распространяться насчет ночного происшествия.

– Почему-то я не поражен, – пожал плечами Воронов. – У вас в руках все горит, неудивительно, что и вокруг вас тоже... Больные, Левкова, не могут ждать, пока вы устроите свои личные дела и ликвидируете свои душевные пожары, – наставительно произнес начмед. – И уж тем более пока вы наговоритесь с подругой. Могли бы придумать и более правдивую отговорку.

– А вы откуда знаете? – удивилась Маруся. – Шпионили за мной?

– Я – за вами?! – Ей показалось, что голос Воронова дрогнул, но он сразу же взял себя в руки. – Всего лишь имел удовольствие наблюдать за вашим милым воркованием из окна. – Вы что, тоже знакомы с Данутой?

– Почему тоже? Н-нет, не знаком, – слегка запнувшись, ответил начмед. – Левкова, вы сегодня приступите к работе? – Его тон вдруг стал резким.

– Да приступлю, приступлю, – проворчала Маруся. – Может, начнем с того, что нервы вам полечим, а, Андрей Владимирович?

Она повернулась и пошла той особой походкой, от которой мужчины, по утверждению руководителя танцевального кружка, должны были «падать и укладываться в штабеля».

– Через час извольте прибыть на политинформацию, – упавшим голосом сказал ей вслед Воронов, – только не говорите, что не помните о проверке из политотдела. Тему-то хоть повторяли?..

Маруся прошмыгнула в свой кабинетик, сняла с плечиков белый халат, надела его и окинула беглым взглядом свое отражение в зеркале. Халатик сидел неплохо. Недаром она потратила почти три вечера на то, чтобы подогнать по фигуре стандартный медицинский халат, который выдали на складе...

Если бы Марусю спросили, как ей работается с начмедом, она бы затруднилась с ответом. Плохо? Да вроде нет. Хорошо? А шут его знает! «Больной скорее мертв, чем жив, или скорее жив, чем мертв?» С самого дня их знакомства, то есть с ее первого рабочего дня в госпитале отношения Маруси с Вороновым складывались сложно. Они постоянно пикировались, вот как только что, и ей казалось, что он не воспринимает ее всерьез. В то же время Андрей Владимирович, похоже, отдает должное ее усердию – или, быть может, он всего-навсего считает Марусин энтузиазм пионерским задором? Хочется ли ей, чтобы Андрей оценил не только ее профессиональные качества, но и другие достоинства? Обжегшись на молоке, дуют на воду. Обжегшись на Вадике, Маруся дала себе слово «дуть» на всех мужчин, то есть не питать в отношении «изменщиков», состоявшихся или потенциальных, никаких иллюзий. Правда, после знакомства с начмедом она с неохотой признала, что уже почти готова нарушить данное самой себе обещание. В конце концов, она хозяйка своему слову или не хозяйка? Хочет – дает, хочет – берет обратно... Гарнизонные всезнайки рассказали Марусе, что майор Воронов в разводе, причем развелся то ли потому, что жена ему изменила, то ли по какой-то похожей причине. Возможно, именно этим объясняется его недоверчивое отношение к женщинам вообще и к ней, Марусе, в частности. А вот внешне он очень даже ничего – выше среднего роста, подтянутый, с правильными чертами лица. Глаза только странного цвета – зеленые со светлыми крапинками. Не такой «киношный» красавчик, как Артемьев, но смазливые мужские лица Марусе никогда не нравились. Однако ей казалось, что начмед относится к ней настороженно не только из-за неудач в его личной жизни. Не-ет, ее не обманешь, есть тут какая-то загадка, не может не быть! И она ее непременно разгадает...

3

Гарнизонный госпиталь в Чкаловске официально назывался «воинская часть 12562» или просто «в/ч 12562». Как и положено нормальному лечебному учреждению, в нем имелось несколько отделений, в том числе хирургическое и терапевтическое, рентген-кабинет и кабинет физиотерапии. В штате, кроме начальника – хирурга, майора медицинской службы Андрея Воронова, еще два офицера, остальные врачи и медперсонал – гражданские.

Располагался госпиталь за городским парком, недалеко от железнодорожного вокзала. На огороженной территории – вековые деревья, стриженные кусты, клумбы с цветами, скамейки. Из окна Марусино кабинета наблюдалась благодатная картина: больные в пижамах грелись на солнышке, читали газеты или книжки, резались в шашки, втихаря покуривали и травили анекдоты. Публика оживлялась, когда выбегала сестричка звать на уколы, перевязку или процедуры.

Марусе доставляло удовольствие видеть пациента, который выздоровел благодаря ее знаниям и усилиям. Хотя пациенты, конечно, попадались разные. Хорошо хирургам – к ним симулянты приходят гораздо реже, чем к терапевтам. К примеру, привезла «Скорая» больного, а в сопроводительном документе – эпическая фраза: «Травму получил, когда, возвращаясь с рыбалки на мопеде, столкнулся со встречным деревом...» Терапевту сложнее, ему нужно быть еще и психологом, особенно в военном госпитале, где почему-то всех и вся подозревают в симуляции с целью отдохнуть от службы. Нет, конечно, дыма без огня не бывает, но самое страшное – ошибиться и оставить без помощи действительно больного человека. Маруся еще с института помнила фразу какого-то медицинского светила: «Количество симулянтов у врача обратно пропорционально его познаниям». Поэтому никогда не принимала решений без тщательного расследования.

Приходилось ей сталкиваться и с противоположным явлением – когда больные люди изображали здоровых. В медицине это называют диссимуляцией. Если разобраться, вся наша жизнь – сплошная диссимуляция. Гриппозные и сопливые ходят на работу, гипертоники сбивают давление и садятся за штурвал самолета, близорукие штурманы годами обманывают медкомиссии и ходят в море, сердечники садятся за руль автомобиля... Вот где опасность для окружающих!..

Еще одна категория «мнимые больные» – здоровые люди, которые по каким-то причинам кажутся себе больными. Буквально через месяц после приезда Маруси в Чкаловск к ней на прием зачастил солдатик второго года службы с жалобами на бессонницу, головные боли и слабость. Маруся чувствовала, что он чего-то не договаривает. Когда ей удалось его разговорить, оказалось, что девушка «больного» написала ему: выхожу, мол, замуж за другого. Пришлось Марусе поговорить с его командиром, объяснить ситуацию, попросить «ослабить вожжи», чтобы дать человеку возможность пережить удар.

Чаще всего Марусе удавалось довольно быстро поставить правильный диагноз. Здоровье сраженного ее проницательностью симулянта, как правило, стремительно улучшалось вплоть до полного «выздоровления», поэтому те, кто хотел на недельку-другую залечь в госпиталь, старались попасть к другому врачу.

– Здорово у тебя получается, – восхищалась медсестра Катерина. – Ты прямо ходячий рентгеновский аппарат!

– Просто я хорошо училась в институте, – розовела от удовольствия Маруся, которой была приятна Катина похвала. – А еще увлекаюсь психологией, полезная наука, скажу я тебе. Иногда достаточно просто проанализировать поведение пациента. Говорят, что симулянт меньше видит, чем слепой, хуже слышит, чем глухой, хромота больше, чем хромой. Медицине

известны случаи, когда некоторым гениям удавалось даже кому изображать достаточно убедительно, но к нам такие таланты вряд ли попадут...

* * *

В список Марусиных обязанностей входили и ночные дежурства – два-три в месяц. Очередное дежурство выпало на следующую ночь после пожара в их квартире.

Обычно ей во время дежурства удавалось и чайку попить с дежурным персоналом, и вздремнуть пару часиков на кушетке в кабинете, но бывало и так, что из-за какого-нибудь ЧП в госпитале всю ночь не смыкали глаз. Был случай, когда с аэродрома привезли пять человек, половину наряда из солдатской столовой, с пищевым отравлением, их пришлось всю ночь выхаживать, а потом еще неделю отписываться в разные инстанции о причинах происшествия.

В этот раз в госпиталь позвонили и сообщили, что везут с дальних складов с боеприпасами караульного с переломом ноги. Пока солдата везли, Маруся отправила посыльного и вызвала в госпиталь начмеда Воронова: переломы и травмы относились к его компетенции.

Солдат был без сознания. Когда разрезали и стянули сапог, оказалось, что случай не из легких – открытый перелом, кость раздроблена, нужно собирать по кусочкам.

– Молодец, Маруся, вовремя сориентировалась и правильно сделала, что вызвала меня, надо срочно оперировать, – с благодарностью глянул на нее Воронов.

Он назвал ее по имени, а не по фамилии, как обычно, – это означало, что ситуация его всерьез обеспокоила.

Солдатики в сознание не приходил, жар усилился, начался бред. Сделали рентген и повезли его в операционную. Воронов с медсестрой побежали следом.

– Как это произошло, можете рассказать? – раскрывая тетрадь дежурного по госпиталю, спросила Маруся прапорщика, который привез бойца.

– Да странная какая-то история. – Прапорщик переминался с ноги на ногу. – Начальник караула к утру напишет подробный рапорт, но предварительно мне рассказал, что часовой стоял на посту, охранял склад с боеприпасами, потом вроде увидел кого-то, проникшего на объект, сделал предупредительный выстрел, погнался за нарушителем, сделал еще несколько выстрелов, но провалился в заброшенный каменный колодец. Там его начальник караула и нашел. Выстрелы и крики слышал часовой с соседнего поста, но видеть ничего не видел. Следов проникновения на пост не обнаружили, ограждение не нарушено. Вроде бы боец ненадолго приходил в сознание и успел сказать начальнику караула, что нарушитель, – прапорщик запнулся, – «был белый, летучий и улетел в сторону леса». Может, не будем это записывать?

– Почему не будем? – удивилась Маруся. – Так и запишем. Может, солдатик чего-нибудь накурился. А может, просто бредил. Кровь у него на анализ взяли, давайтеждемся результатов.

Слова солдатики о «летучем» вызвали у Маруси какую-то относительно свежую ассоциацию. Нет, не с вывеской из ее недавнего кошмарного сна – кстати, такая вывеска с двумя летучими мышами, растопырившими перепончатые крылья, существует на самом деле, как и ателье под ней. Но если не с вывеской, тогда с чем? Вспомнила! В парикмахерской – не гарнизонной, куда Маруся ходить не рисковала, а в городской – одна из посетительниц рассказывала невероятную историю, которую при этом называла чистой правдой.

Случилось это якобы года два назад в окрестностях Чкаловска. Местные подростки, играя в «войнушку», увидели зависшее над дубом странное светящееся существо. Когда к нему попытались приблизиться, оно полетело в сторону железной дороги и скрылось в проложенном через гору туннеле. Мальчишки бросились догонять, залезли вслед за ним в туннель, попали в какой-то ответвленный ход и заблудились. Их искали три дня, неизвестно, чем бы это все закончилось, но на третий день они смогли выбраться из подземелья в семи километрах от того

места, где забрались в туннель. После этого местные власти закрыли железными решетками все известные входы в подземелья и строго-настрого запретили к ним приближаться.

Маруся и раньше обращала внимание на то, что местные жители обожают истории о привидениях и прочих летучих существах, которые якобы обитают в многочисленных прусских замках и строят людям козни. Особой популярностью пользовались рассказы из цикла о так называемых Белых дамах – женщинах, которые вначале погибали страшной смертью, а затем поселялись в родных стенах навеки, но уже в виде призраков. Увидеть Белую даму – молодую женщину ослепительной красоты, с длинными светлыми волосами, в белом кружевном платье – мог далеко не каждый, только родившийся тринадцатого числа, в воскресенье, ближе к полуночи. Вообще-то Белые дамы к людям относились вполне дружелюбно – выводили на дорогу заблудившихся путников, показывали места, где закопаны клады, помогали женщинам рожать, предсказывали будущее... Однако в гнев Белые дамы страшны, а разгневать их очень легко...

Все эти истории до боли напоминали Марусе сказки о «черной-черной комнате», которыми пугали друг друга девчонки во дворе и в пионерском лагере. Разница заключалась в том, что о «черной руке», летающей по черной комнате, шепотом и с круглыми для пущего эффекта глазами рассказывала друг другу детвора, понимая, что это всего лишь страшилки, а о Белых дамах – взрослые, причем на полном серьезе.

У Чкаловска, как у каждого уважающего себя города, имелись и собственные городские легенды. В том числе, разумеется, и о призраке. Правда, чкаловский призрак не был Белой дамой и не летал по воздуху, а как раз наоборот – якобы блуждал в средневековых подземельях. Жители Чкаловска считали, что сеть этих подземных ходов берет свое начало в замке Норденбург, возведенном в четырнадцатом веке...

«Эк куда меня занесло! – подумала Маруся. – Длинноватая ассоциативная цепочка получилась». Все это, безусловно, чрезвычайно увлекательно, но к сегодняшнему пациенту с открытым переломом не имеет скорее всего ни малейшего отношения. Случаев нападений призраков на караульных не зафиксировало еще ни одно, даже самое воспаленное воображение. Но тогда что же означают слова пострадавшего солдатики о «белом летучем» нарушителе из леса?

Маруся то и дело мысленно возвращалась к этим странным словам до самого конца своего дежурства. В крови солдатики, к слову, никаких сильнодействующих веществ не выявили. Сам он ничего объяснить не мог – после операции долго отходил от наркоза.

* * *

Вечером, отоспавшись после дежурства, Маруся пошла в Дом офицеров на репетицию танцевального ансамбля. Танцы были ее давнишним, еще с детских лет, увлечением. Танцевальный ансамбль школы, в которой училась Маруся, в то время она с родителями жила на Дальнем Востоке, где служил ее папа, завоевывал все мыслимые и немыслимые призы на областных конкурсах. Он даже однажды съездил в Москву на республиканский конкурс, в котором умудрился занять второе место, и то потому, что первое место должно было, по плану организаторов, достаться ансамблю из Анадыря.

Художественная самодеятельность являлась неотъемлемой частью жизни Чкаловского гарнизона. Для солдат-срочников участие в репетициях и концертах считалось серьезной причиной, чтобы получить освобождение от работ или лишний раз не заступить в наряд. Многие, впрочем, занимались в кружках, как и Маруся, в свое удовольствие.

Дом офицеров, которым руководил капитан Артемьев, прославился в городе и на весь Прибалтийский военный округ благодаря женскому хору и танцевальному ансамблю. Народная цирковая студия, несколько вокалистов и оркестр тоже пользовались популярностью, но меньшей. В праздники Дом офицеров набивался, как говорится, битком. Несмотря на все свое

разгильдяйство, Артемьев был неплохим организатором, не лишенным творческой жилки. Поэтому, видимо, начальство смотрело на его похождения сквозь пальцы.

Хор существовал, так сказать, на добровольно-принудительной основе, в нем пели все жены офицеров и прапорщиков, а также вольнонаемные, причем независимо от наличия голоса и слуха. Зато танцевальный ансамбль, активной участницей которого была Маруся, – почти исключительно на добровольной. Назывался ансамбль «Калинка». Вначале его хотели назвать «Калинка-малинка» – в честь замечательных советских фигуристов Ирины Родниной и Александра Зайцева, которые три года назад, в 1973-м, с произвольной программой под эту музыку стали чемпионами мира. Точнее, не совсем под музыку: как раз во время выступления Родниной и Зайцева из-за замыкания в радиорубке звуковое сопровождение отключилось, и ребята докатились под дружные аплодисменты зала. Этот случай вошел в историю фигурного катания! Замполит полка Иван Белянчиков порыв оценил, но слово «малинка» из названия ансамбля посоветовал убрать, ему оно почему-то показалось каким-то двусмысленным. «Хорошо, что не «клубничка», – буркнул Белянчиков, и на этом дискуссия по поводу названия ансамбля закончилась.

О делах хора Маруся тоже была осведомлена в полной мере – солисткой хора была Марусина подруга Антонина, утверждавшая, что у нее колоратурное сопрано. Официальные источники ее версию не опровергали, но и не подтверждали, поэтому насчет колоратурности Маруся в глубине души сомневалась. С чем никто не спорил, так это с тем, что голосом Антонина обладала мощным. Отчасти по этой причине замполит Белянчиков выдвинул Антонину в главы женсовета гарнизона – опять-таки, не удосужившись поинтересоваться, согласна ли сама выдвигаемая. Тоня вынуждена была согласиться задним числом. А куда денешься, с начальством лучше не ссориться.

У Тони имелся дополнительный стимул петь в хоре, о котором знала только Маруся на правах лучшей подруги: Антонина, вполне добропорядочная жена и мать, была тайно влюблена в капитана Артемьева и очень переживала из-за слухов о его многочисленных романах. Тоня, как глава женсовета, узнавала о них одной из первых, мало того – частенько вынуждена была разбирать жалобы ревливой жены капитана Зои Артемьевой, а также другие инциденты, возникающие из-за любвеобильности начальника Дома офицеров, которому инкриминировали интрижки не только с женами сослуживцев, но и с местными девушками. К счастью, дальше тайной влюбленности, о которой знала только Маруся, дело не шло: обязанности главы женсовета и природная рассудительность удерживали Антонину от каких бы то ни было шагов к сближению с этим Казановой местного разлива.

Душераздирающие любовные истории, героями которых был не только Артемьев, но и другие офицеры, прапорщики и их супруги, в Чкаловском гарнизоне случались частенько. Однажды Антонина и замполит Белянчиков даже предотвратили самоубийство.

– Жена прапорщика Косарчука влюбилась в другого прапорщика, Соловьева, – вспоминала Тоня, – бегала к нему. Жена Соловьева пожаловалась в женсовет, обоим любовникам дали взбучку. Галя Косарчук с горя и большого ума решила наложить на себя руки. А у нее пацаненку тогда было шесть лет! И муж, Федя Косарчук, ведь не обижал ее, любил... Так вот. Стою я, значит, на кухне у плиты, котлеты жарю. Вваливается замполит – идем скорее, там Галка вешаться удумала! Прибегаем мы к Косарчукам, а Галину из петли уже вытащили, на диван посадили, она сидит, в одну точку смотрит как неживая. Я села рядом, давай ей слова какие-то шептать, по плечу гладить... Смотрю, она оттаивать вроде начала. Мужу ее, Федьке, говорю – тащи бутылку и картошки, что ли, свари... Сели за стол, выпили, закусили. Я ей ласково так: «С чего ты взяла, что у вас с Соловьевым серьезно? У тебя муж хороший, ребенок, сегодня вы с Соловьевыми вместе служите, а завтра разъедетесь, вас пошлют на юг, их на север, вот и вся любовь. А развод – это две семьи ломать, в обеих дети, у Соловьевых, вон, двое». Ну и

все такое... До развода не дошло, Косарчуки прослужили еще два года и перевелись в другой гарнизон – за месяц до твоего приезда. Мы их проводили, тепло так прощались... Одно плохо.

– Что? – встрепнулась заслушавшаяся Маруся.

– Котлеты у меня тогда сгорели-таки! – улыбнулась Тоня.

– Здорова ты, Антонина, другим советы давать, это у тебя хорошо получается, – съехидничала Маруся. – Вот и вся любовь! – передразнила она подругу. – А сама?

Тоня в ответ только со вздохом развела руками. «Любовь зла – полюбишь и козла», – об этом она знала не понаслышке, но, как обычно в таких случаях, ничего не могла с собой поделать...

* * *

Репетиция танцевального ансамбля была в самом разгаре, когда одна из танцовщиц, выполняя замысловатый пируэт, вдруг споткнулась, чертыхнулась, сбросила туфлю, схватила ее и поковыляла к Артемьеву, который сидел в первом ряду зрительного зала и с явным удовольствием наблюдал за кружащимися на сцене девушками.

– Юра, это что такое?! – Она потрясла туфлей перед носом начальника Дома офицеров, тот инстинктивно отшатнулся. – Дырка протерлась, еще и ремешок оторвался! Разве в этом можно танцевать?!

– А лучше в кирзовых сапогах? – отодвигаясь от болтающейся перед ним дырявой обуви подальше, вопросом на вопрос ответил Артемьев. – У них, по крайней мере, ремешков нет... Люба, имей совесть, мы же недавно получили новые костюмы и туфли! Срок эксплуатации еще не прошел! Как я их списывать буду? Я же не могу комиссии объяснить, что туфли на вас горят!

– Для танцев нужна специальная обувь! – заявила Люба. Другие участники ансамбля загудели, выражая согласие с ораторшей. – Спе-ци-аль-на-я! У нас выступление скоро! В чем нам выступать, в этих лаптях? Может, еще портянками ноги обмотаем?!

– Партия прикажет, выступим и в портянках, – хохотнул Артемьев и на всякий случай оглянулся, нет ли поблизости замполита Белянчикова, которому могло не понравиться столь вольное толкование руководящей и направляющей роли партии. Замполита поблизости не обнаружилось. – Критикуешь – предлагай, предлагаешь – делай, делаешь – отвечай. У тебя есть конкретные предложения?

– Ну... Надо срочно раздобыть где-то специальные танцевальные туфли, – стушевалась Люба. – В Чкаловске их вряд ли можно купить... А если сшить на заказ? Можем мы себе это позволить?

– Думаю, позволить можем, надеюсь, я смогу объяснить руководству такую статью расхода... А где сшить? Вы думаете, танцевальные туфли так просто можно заказать? Скорее всего в Калининград надо ехать, я что, весь ансамбль на примерку туда возить буду? Кто ж нам такое разрешит?

– Я знаю здесь приличную сапожную мастерскую, где не только ремонтируют обувь, но и шьют на заказ, – вмешалась Маруся. – Могу спросить, возьмется ли они.

– Если возьмется, это будет для нас идеальный выход, других вариантов я не вижу. – Артемьев с надеждой посмотрел на Марусю. – Давай, доктор, действуй, на тебя смотрит все прогрессивное человечество. Иначе меня твои партнеры сожрут вместе с погонами и не поперхнутся.

Люба захлопала в ладоши, остальные участники «Калинки» одобрительно загудели.

Дело решили не откладывать в долгий ящик и тут же уполномочили Марусю договариваться с сапожниками.

4

Сапожная мастерская занимала половину цокольного этажа в угловом доме на оживленной улочке, недалеко от исторического центра города. Она работала как в будни, так и в выходные. Благодаря удачному расположению, удобному для посетителей графику и высокому качеству ремонта заведующий мастерской Зиновий Карлович, его помощник Владислав, которого все называли Владиком, и несколько мастеров и подмастерьев недостатка в клиентах не испытывали. Еще одним достоинством заведения был индивидуальный пошив модельной обуви, которая могла удовлетворить самый привередливый вкус.

Над дверью мастерской – вывеска с незатейливой надписью «Сапожок». На углу дома в рекламных целях висел огромный жестяной башмак. В ветреную погоду башмак раскачивался и скрипел, словно старый ржавый флюгер...

Зиновий Карлович, крупный, довольно пожилой мужчина с окладистой черной бородой, как правило, сидел в углу, чинил чей-нибудь ботинок или сапог и лишь изредка окидывал помещение тяжелым взглядом маленьких глаз из-под кустистых бровей. В Марусином представлении именно так выглядел тургеневский Герасим – в свое время она немало слез пролила над судьбой несчастной Муму. Немногословность, чтоб не сказать угрюмость, заведующего сапожной мастерской усиливала сходство.

Владик являлся своему начальнику полной противоположностью. Приветливый и чрезвычайно расторопный юноша с голубыми глазами, прямым носом и белозубой улыбкой мгновенно располагал к себе. Неудивительно, что разговаривал с посетителями, принимал и выдавал заказы в основном Владик. Когда Маруся забежала в мастерскую в прошлый раз, потребовалось срочно поставить новые набойки на выходные туфли, она из разговора двух пожилых посетительниц узнала, что Владик работает в «Сапожке» недавно, но уже успел обаять всех клиенток женского пола старше четырнадцати лет и младше семидесяти. И то, мол, только потому, что клиентки старше семидесяти в мастерской появлялись крайне редко...

Маруся сбежала по ступенькам и толкнула входную дверь. «Дзи-инь!» – возвестил о ее приходе дверной колокольчик.

В мастерской было на удивление малоллюдно. Возле стойки Владик с одним из посетителей оживленно обсуждали лежащий перед ними женский сапог, еще один клиент, сидя на стульчике, читал газету «Известия», периодически поглядывая на окружающих поверх нацепленных на кончик носа очков. Зиновий Карлович вопреки обыкновению не чинил обувь, а сидел в общем зале за столиком и играл в шахматы. Его партнером был молодой человек с пышной курчавой шевелюрой. «Вылитый Пушкин в молодости, – подумала Маруся, – интересно, он тоже стихи пишет?» Оба соперника сосредоточенно смотрели на доску и лишь изредка комментировали ситуацию на ней и свои ходы отрывистыми междометиями. – Добрый день, Владик! – дождавшись своей очереди, Маруся достала из сумки испорченную туфлю. – У меня к вам не совсем обычный вопрос. Для нашего ансамбля нужно сшить дюжину пар женских танцевальных туфель, вот по этому образцу, у вас есть опыт такой работы?

Владик оглянулся на Зиновия Карловича, тот оторвался от игры и задумался, бережно держа кончиками грубых пальцев ладью. Поразмыслив, кивнул.

– Для такой милой девушки я готов сделать дюжину пар хрустальных башмачков, – с улыбкой сказал Владик. – Таких, как на нашей вывеске.

«То, что у вас на вывеске, больше похоже на испанский сапожок, нежели на хрустальную туфельку», – подумала Маруся, но вслух этого не сказала, только обворожительно улыбнулась – так, как, по ее мнению, приличествовало улыбаться милым девушкам.

– Спасибо за доверие, мы подумаем, что можно сделать, – заверил ее Владик. – Нам надо только узнать, можно ли найти кожу нужного качества и количества. Не будете ли любезны заглянуть к нам через пару дней? Тогда мы сможем обсудить все более детально.

– Разумеется, буду любезна! – ответила Маруся.

Она уже сделала шаг к выходу, когда услышала за спиной приятный, с легкой хрипотцой, мужской голос:

– Быть может, вам нужна еще и дюжина специальных танцевальных платьев? В нашем ателье были бы рады такому заказу.

Маруся живо повернулась. Приятный голос с легким, практически неуловимым акцентом принадлежал тому самому курчавому брюнету, партнеру Зиновия Карловича по игре в шахматы.

– Меня зовут Александр, для друзей – просто Алекс, очень рад знакомству. – Брюнет подошел к стойке, разделяющей помещение мастерской, и облокотился на нее. Из-под закатанного рукава рубашки выглянул вытатуированный на руке якорь. – Вы, наверное, видели неподалеку нашу вывеску – с летучими мышами, ее трудно не заметить. Мы шьем, перешиваем, я также могу делать ремонт швейным машинкам. У вас имеется швейная машинка?

– У меня имеются лишь вязальные спицы, но им не нужно делать ремонт, – склонив голову к плечу, ответила Маруся. – Костюмы у нас тоже есть, пока требуются только туфли. – Ну, если что пожелаете – милости просим! – Алекс сделал широкий приглашающий жест. – А по воскресеньям и четвергам вечером меня можно найти и здесь. Мы с Зиновием Карловичем сражаемся в шахматы, и за два месяца у меня – как это говорят? – изменчивый успех.

– С переменным успехом? Если вы надеетесь победить Зиновия Карловича, то это вряд ли, он у нас, насколько я знаю, чемпион города. Однако желаю вам удачи! – кивнула Маруся.

– Благодарю! Буду счастлив снова увидеть такую прелестную панну, – расплылся в улыбке Алекс.

– Спасибо, до свиданья. – Маруся попрощалась с Алексом и Владиком и вышла на улицу.

* * *

Довольная итогом переговоров с сапожниками «прелестная панна» заторопилась на почту, где находился переговорный пункт. На переговорном она заказала разговор с Полтавой. В Полтаве папа получил квартиру и вышел в отставку, в Полтаве Маруся закончила мединститут, с этим городом связаны ее самые счастливые студенческие годы. Иногда ей кажется, что это было вчера, а иногда – что в прошлой жизни...

В ожидании вызова она листала номер «Бурды», который ей дала посмотреть Данута. Маруся не гонялась за модой – скорее старалась идти с ней в ногу. Если бы она не выучилась на врача, то, наверное, стала бы модельером. Как врачу, ей было интересно, что у людей внутри, но ее занимало также и то, как они выглядят внешне, в частности – во что одеваются. В магазине купить красивую и удобную одежду практически невозможно, девушке, чтобы хорошо одеваться, надо либо крутиться и где-то доставать дефицитные вещи, либо заказывать одежду в ателье индпошива, где тоже нет никакой гарантии, что сошьют то, что нужно, а не испортят ткань и настроение. Маруся выбрала третий вариант – шить и вязать самой. В шитье, правда, преуспела не особо, зато со спицами управлялась ловко. А еще она очень любила фантазировать, как станут одеваться люди через двадцать, тридцать, сорок лет. Пройдет ли всеобщее увлечение джинсами? А босоножками на «платформе»? А юбки какие будут – мини или макси? А может, не будет вообще никаких джинсов и юбок, а сплошь серебристые обтягивающие комбинезоны? Хочется надеяться, что хотя бы кошмарные пиявочно-черные «сапоги-чулки» на поролоне скоро выйдут из моды и никогда больше в нее не вернуться. Бр-р-р, гадость какая!..

Желающих связаться с внешним миром в Чкаловске этим вечером нашлось немного, поэтому разговора с родными Маруся ждала недолго. Хорошо, что в их полтавской квартире есть телефон! Не зря три года стояли в очереди на установку. Зато теперь родителям можно позвонить в принципе в любой момент. А не будь у них домашнего телефона, пришлось бы вызывать на переговоры телеграммой. Говорят, в Америке выпустили такой телефонный аппарат, по которому можно позвонить и поговорить прямо с улицы, из парка, из магазина, из кафе – откуда хочешь! Верится с трудом, конечно. Вот если бы в Союзе тоже придумали что-нибудь подобное! Возможно, уже придумывают, не может же СССР позволить себе отставать в научно-техническом отношении от Америки...

– Полтава, первая кабина! – объявила девушка-оператор, и Маруся с «Бурдой» в руках и с сумкой под мышкой устремилась к стеклянной двери с большой желтой единицей.

– Але, мамочка! – сказала она в трубку, устраиваясь в тесной кабине поудобнее. – Это я! Как вы там? Как папа, бабушка?

– Доченька! – донесся до нее радостный мамин голос. Самый родной на свете голос – и самый близкий, невзирая ни на какие расстояния...

Что можно успеть сказать маме за три минуты? Казалось бы, всего несколько слов – жива-здорова, питаюсь нормально, коллеги не обижают, соседи тоже, погода хорошая, приеду, когда дадут отпуск, люблю, скучаю!

А что – не сказать? Многое... Очень хочу, забравшись с ногами на диван, сесть рядом, прижаться к твоему плечу, положить голову тебе на колени, и чтоб ты гладила мои кудряшки, как в детстве... Но я ни разу не пожалела, что решила уехать, ведь ничто в мире не случайно, и эта страница в моей жизни – тоже...

В конце разговора Маруся спохватилась, что забыла сообщить кое-что важное.

– Мам, скажи папе, что наш начальник гарнизона, командир полка Дремов Борис Евгеньич и есть тот самый Дремов, папин сослуживец, о котором он когда-то рассказывал. Нет, лично пока не знакома. Если познакомлюсь, непременно передам привет... Ну все, время заканчивается, обнимаю и целую вас всех!

Выйдя из кабины, Маруся аккуратно сложила и спрятала в сумку журнал. «День пропал не зря, – подумала она с удовлетворением, – успела переделать кучу дел!..»

5

До портового Калининграда модные новинки и тенденции с «загнивающего», как утверждалось на еженедельных политинформациях, Запада доходили значительно быстрее, чем до модниц, живущих в других частях огромной страны. Любительницы рукоделия, к которым причисляла себя и Маруся, зачитывали до дыр немецкие журналы «Бурда» с множеством дивных фасончиков и, главное, выкроек. Или, правильнее будет сказать, не «зачитывали», а зализывали и засматривали? К счастью, разобраться в выкройках «Бурды» можно было и без знания немецкого языка. Женщины, увлекающиеся шитьем, правдами и неправдами доставали свежие журналы, менялись номерами, перерисовывали выкройки... Данута, новая подруга Маруси, гордилась своей коллекцией журналов «Бурда Моден» за разные годы и прилагала немало сил к ее пополнению.

Дома Маруся с мамой как-то попытались сшить летнее платье по выкройкам из журнала «Работница». Справедливости ради следует заметить, что платье получилось вполне симпатичное. Но, как метко выразилась мама, приблизительно так же получилось бы, если б они шили вовсе без выкроек – только времени и нервов наверняка потратили бы меньше. Кроме «Работницы», была еще и «Крестьянка», но ее рекомендациями Маруся с мамой пока не рисковали воспользоваться...

Тем не менее Маруся не могла сказать, что калининградские барышни одеваются намного лучше полтавчанок, разве что в их стиле больше изыска и индивидуальности. Этому у них стоило бы поучиться. Взять хотя бы Дануту – воплощенная элегантность! Конечно, при росте метр семьдесят восемь, фигуре как у манекенщицы, синих глазах и длинных гладких светлых от природы волосах нетрудно выглядеть элегантно. А если у тебя метр шестьдесят четыре и копна русых непослушных кудрей?!

Нет, Маруся подруге не завидовала. Как говорится, «под каждой крышей свои мыши», были они и у Дануты – в переносном смысле. В буквальном смысле у нее имелся кот Мурек – пушистый пятикилограммовый красавец цвета кофе с молоком. По словам Дануты, к настоящим мышам Мурек безразличен и не пошевелит ни хвостом, ни лапой, даже если они станут бегать перед его носом. Хотя на чем основывалось ее утверждение, не совсем понятно. Может, у Мурика просто не было возможности проявить себя в деле? От «мышей под крышей», то есть жизненных перипетий, Мурек свою хозяйку оградить не смог: полгода назад муж Дануты ушел от нее к другой женщине, – как говорится, от этого никто не застрахован.

Маруся, которая после измены жениха считала собственную личную жизнь незадавшейся, подругу прекрасно понимала. Разведясь с мужем, Данута осталась, если не считать Мурика, совсем одна. А это грустно, даже если ты живешь в просторной квартире с трехметровыми потолками и настоящим камином в доме старинной постройки в тихой и зеленой части Чкаловска.

Отношения у Дануты с мужем были, мягко говоря, натянутые, по ее рассказам, он часто закатывал ей скандалы. Несмотря на то что работал шофером, мог заявиться среди ночи пьяным. Дважды из-за его буйства на лестничной площадке ей даже пришлось вызывать милицию...

На следующий день после работы Маруся в радостном предвкушении примерки новой юбки отправилась к Дануте, которая к этому времени должна была вернуться от тети.

Она уже несколько раз бывала у новой приятельницы в гостях – точнее, на примерках, которые перерастали в неспешные кофепития. Они листали модные польские и немецкие журналы, обсуждали выкройки и модели ажурных вязаных кофточек и жаловались друг другу на мужчин, которые везде одинаковы... – Маруся, смотри, что я нашла на антресолях, – сказала однажды Данута, кладя на журнальный столик перед сидевшей на диване Марусей старый

фотоальбом в потертой бархатной обложке. – Наверное, осталось от прежних хозяев квартиры. Правда, по этим фотографиям можно изучать довоенную моду?

Девушки бережно переворачивали пожелтевшие страницы, с любопытством разглядывая запечатленных на фото женщин в длинных, почти до шиколотки, юбках с оборками, темных платьях с белыми воротничками, светлых платьях с пышными воланами на рукавах, всевозможных шляпках и меховых горжетках. Одна женщина – с миндалевидным разрезом глаз, высоким лбом, прямым носом и четко очерченными губами – появлялась на фото чаще других, возможно, она и была владелицей альбома и бывшей обитательницей Данутиной квартиры. На некоторых фото рядом с этой женщиной сидела или стояла девочка лет девяти-десяти с большим бантом в темных локонах. Судя по внешнему сходству, это были мать и дочь.

– Взгляни на этот жакет, какие широкие плечи. – Данута кончиком пальца коснулась одной из фотографий. – Они наверняка использовали подплечники. Тебе нравится такой фасон?

– Не очень. – Маруся сморщила носик. – Пышные рукава – это женственно, согласна, а такие плечи – как-то слишком уж по-мужски, не находишь?

– Женщина того времени должна была быть сильной, – кивнула Данута. – То время было такое... сложное. Кризис, Великая депрессия, потом война...

– Можно подумать, в наше время женщина, если она не дочь Рокфеллера и не жена арабского шейха, может себе позволить быть слабой! – хмыкнула Маруся. – А простое время бывает, по-моему, только в английском языке...

– Но ведь хочется! Почувствовать себя маленькой девочкой, которую любят, защищают, о которой заботятся... Есть выражение – как за каменной стеной. Признайся, ты ведь тоже об этом мечтаешь?

Маруся прикинула, хочет ли она почувствовать себя слабой женщиной по отношению к их начмеду Андрею Воронову, слегка покраснела и встряхнула кудрями.

– У меня есть папа, с ним я всегда чувствую себя маленькой девочкой, которую любят и о которой заботятся, – сказала она, усилием воли отогнав от себя мысли о Воронове. – Правда, сейчас он далеко. А... прости, что я спрашиваю... где твои родители?

– Погибли в автокатастрофе в тот год, когда я окончила школу.

– Ой, прости, пожалуйста! Я очень тебе сочувствую, – смутилась Маруся.

– Ничего. Ну, ты ведь поняла, что я говорю не об отце, – мягко улыбнулась Данута.

Маруся решила поменять тему:

– Интересно, а кто жил в этой квартире раньше? Чей это может быть альбом?

– Не знаю, – пожала плечами подруга. – Думаю, в этой квартире до меня сменилось немало жильцов. Немцев, которые здесь жили, в первые послевоенные годы депортировали в Германию... Может быть, мой сосед, пан Казимир, что-то знает, его семья жила в нашем доме еще до войны. Если хочешь, я тебя с ним познакомлю, он очень интересный человек.

Когда Маруся пришла в следующий раз, она застала у Дануты гостя – пожилого мужчину, сидевшего в инвалидной коляске. У него были пышная, посеребренная сединой, шевелюра, аккуратные усы и борода, изрезанное морщинами лицо и улыбчивые глаза, спрятанные за толстыми стеклами очков.

– Познакомьтесь, пан Казимир, это Мария, она работает врачом в военном госпитале, – сказала Данута. – Маруся, это пан Казимир, мой сосед, о котором я тебе говорила. – Приятно познакомиться, – улыбнулась Маруся.

– Данута, надеюсь, ты рассказала этой милой девушке, что я несносный польский старикан, которого нужно обходить десятой дорогой? – спросил пан Казимир, крепко пожимая Марусе руку. Руки у него, как и у подавляющего большинства колясочников, были сильные. – Тем более что это нетрудно сделать, я ведь не смогу догнать. – Он с улыбкой показал на свою коляску.

– Пан Казимир любит шутить, – на всякий случай объяснила Данута.

– В каждой шутке есть доля шутки – так, кажется, говорят? – Пан Казимир улыбался, но его глаза за стеклышками очков оставались серьезными.

– Говорят, что в каждой шутке есть доля правды, но и ваш вариант возможен, – ответила Маруся.

– О, мне кажется, что у нашей новой знакомой хорошее чувство юмора! – хлопнул в ладоши пан Казимир.

– А давайте попьем чаю, – предложила Данута, – я испекла яблочный штрудель.

Пан Казимир с радостью принял предложение. Он действительно много шутил, рассказывал забавные истории и показал себя весьма галантным кавалером. О себе говорил неохотно, Маруся узнала только, что в юности он работал ночным сторожем на мыльной фабрике во Вроцлаве, а потом переехал в Хайлишен, как тогда назывался Чкаловск, и стал пожарным, потому что считал эту профессию хоть и нелегкой, но одной из благороднейших.

К концу вечера Маруся прониклась к пану Казимиру искренней симпатией. Выйдя вслед за Данутой на кухню, она шепотом спросила у подруги, чем он болен, почему в инвалидном кресле.

– Казимир в свое время серьезно пострадал на пожаре, повредил позвоночник, а год назад перенес инсульт, – сказала Данута. – До сих пор полностью не восстановился. Ему нужно два раза в неделю делать уколы, но медсестра из поликлиники приходит через раз, а то и вовсе не приходит... Послушай, ты ведь медик. Ты не могла бы делать пану Казимиру уколы? Утром или вечером, какое-то время, пока он не найдет постоянную медицинскую сестру. Он будет тебе платить.

– Наверное, могу, – пожала плечами Маруся. – Помогать больным – мой врачебный долг.

– Seriously? Ты его очень выручишь. – Казалось, Данута и сама была очень довольна таким решением проблемы. – Он живет один, его, правда, иногда навещает племянница, но у нее фобия, она боится делать уколы.

Пан Казимир, когда Маруся предложила ему свою помощь и сказала, что будет делать уколы бесплатно, растрогался, его глаза за стеклышками очков подозрительно заблестели.

– Маруся, вы не только милая девушка, но еще и очень добрая! Но что значит – бесплатно? Нет-нет, даже слышать не хочу. Каждый труд должен быть вознагражден. Возможно, вы думаете иначе, но лично я придерживаюсь именно таких принципов...

6

Погрузившись в воспоминания о знакомстве с паном Казимиром, Маруся не заметила, как дошла до дома Дануты. Дождь, зарядивший с обеда, прекратился, оставив после себя огромные лужи на дороге и тротуаре, которые приходилось обходить. Маруся сложила зонтик, поднялась по широким ступеням на второй этаж, нажала на кнопку звонка. Дзинь-дзинь – гулко прозвучало в квартире, но на зов никто не спешил. Массивная входная дверь слегка колыхнулась. «Не заперто, что ли», – подумала Маруся, взялась за ручку и потянула ее на себя. Створка двери легко открылась, и девушка сделала шаг внутрь.

– Привет! Я еще не поднялась по лестнице, а ты уже дверь мне открываешь? – шутливым тоном громко произнесла она в глубь квартиры. – Данута, ау!

Ответом ей была тишина. В квартире, кроме шагов Маруси, не раздавалось больше вообще никаких звуков – ни бормотания телевизора, ни гудения пылесоса, ни скрипа кофемолки... И это было странно. Между лопаток холодком шевельнулась тревога.

«Забыла, что ли, закрыть дверь? Вроде раньше я не замечала за ней такой рассеянности», – подумала Маруся. Краем глаза она заметила под вешалкой любимые туфли Дануты – бежевые на удобных толстых каблуках. Значит, их хозяйка дома. Хотя Данута могла, конечно, уйти из дому и в других туфлях. Но дверь?! Может, она вышла выбросить мусор? Тогда Маруся встретила бы подругу во дворе.

Маруся неуверенно двинулась вперед по длинному коридору, заглянула в кухню – практически стерильная чистота и пустота.

– Данута, ты дома? Это не очень хорошая идея – прятаться и пугать меня! – Марусин голос дрогнул.

Ей послышался какой-то шорох у входной двери. По коже побежали мурашки. Она медленно обернулась, но никого не увидела.

В спальне хозяйки квартиры тоже не обнаружилось. Да где ж она?! Все больше недоумевая, Маруся добралась до гостиной, где у Дануты была оборудована импровизированная мастерская, в которой она принимала своих заказчиков: раскроечный стол, зеркало в человеческий рост, манекен, швейная машинка, по стенам на крючках развешаны картонные лекала. Гостиную украшал большой камин, отделанный изразцами.

Маруся вошла в комнату и похолодела от ужаса. Она увидела свою подругу – возле камина на полу в луже крови. Данута лежала на боку, вытянув руку с ухоженными, покрытыми бежевым лаком ногтями, в другой руке у нее была зажата кочерга. Синие глаза безжизненно смотрели в потолок. Маруся сразу поняла, что она мертва, но все же, опустившись возле тела на колени, пощупала пульс. Пульс не прощупывался.

Очевидно, Дануту кто-то сильно ударил по голове валившимся тут же тяжелым портняжным утюгом. Травма, несовместимая с жизнью... Руки и ноги Маруси отказывались ей повиноваться, но голова работала. Этот кто-то, по-видимому, был здесь совсем недавно, однако уже ушел. Если бы убийца Дануты остался в квартире и хотел напасть и на Марусю, он бы уже наверняка напал...

Маруся поднялась, добрела до стоявшего в углу на одноногом столике телефонного аппарата – колени подкашивались, перед глазами летали радужные круги – и попыталась набрать номер. Палец упорно не хотел попадать в нужное отверстие на телефонном диске, но третья попытка оказалась успешной.

– Але, милиция? Приезжайте, тут женщину убили, – с трудом выговорила она, но на другом конце провода ее поняли и деловито попросили продиктовать адрес и назвать свое имя.

До приезда милиции Маруся успела немного прийти в себя и осмотреться. Теперь ей в глаза бросилось то, на что она раньше не обратила внимания. Данута была одета и обута

так, как будто только что зашла в квартиру с улицы. На зажатой в ее руке кочерге виднелись следы крови. Большой, красиво отделанный изразцами камин в своей квартире Данута никогда не растапливала, она вообще была уверена, что он давно не действует, поэтому кочергу и каминные щипцы не применяла по прямому назначению, а держала исключительно для антуража. Понятно, для чего она вдруг схватилась за кочергу – чтобы огреть ею нападавшего, что, видимо, и сделала. Тогда кровь на кочерге – убийцы.

На лестничной площадке послышались голоса и топот множества ног. Квартира быстро наполнилась людьми в форме и в штатском.

– Следователь Янис Петраускас, – представился молодой человек в темных брюках, светлой рубашке и легкой болоньевой курточке. Его можно было бы назвать симпатичным, если бы не насупленные брови и опущенные уголки губ. Возможно, с помощью такой нехитрой уловки следователь Петраускас хотел казаться старше и солиднее. – Так это вы обнаружили тело и вызвали милицию?

Следующие полчаса Маруся отвечала на его вопросы. Близко ли она знакома с убитой? Достаточно близко. Когда видела ее в последний раз? Два дня назад. Не заметила ли в ее поведении чего-нибудь необычного? Абсолютно ничего. Как оказалась в ее квартире?

– Мы договорились о встрече, я пришла и увидела, что входная дверь не заперта...

Следователь сделал пометку в блокноте и задал следующий вопрос:

– Как вы полагаете, у вашей подруги были враги?

– Враги?! – поразила Маруся. Она понятия не имела, были ли у Дануты враги. Какие враги у модистки? Разве что конкурентки? Войны между портнихами за клиентуру в принципе возможны, но точно не такими методами. – Данута ни о чем таком не говорила, во всяком случае мне... А может, это убийство с целью ограбления?

В глазах Петраускаса промелькнула заинтересованность.

– Вы можете определить, пропало ли в квартире что-нибудь ценное?

– Точно не могу сказать, но такое впечатление, что здесь вообще ничего не пропало. – Маруся оглянулась по сторонам. – Смотрите, какой везде порядок. Но, может, преступник просто не успел ограбить квартиру? Может, я его и спугнула? А вы уже сняли отпечатки пальцев с орудия убийства? – Она кивнула на окровавленный портняжный утюг. – И нужно как можно быстрее сделать анализ крови с кочерги, надеюсь, это нам поможет найти убийцу...

– Нам? – Следователь Петраускас забыл, что нужно хмурить брови, и они у него поползли вверх от удивления. – Не понял. Вы из какой структуры?

– Из госпиталя, врач я, – сказала Маруся, – Данута – моя подруга, я обнаружила ее... тело, я, конечно же, заинтересована в том, чтобы убийцу как можно скорее нашли, и готова оказывать посильную помощь следствию. Что тут непонятного?

Янис Петраускас улыбнулся, отчего мгновенно произошло то, чего он, вероятно, небезосновательно опасался – его лицо стало очень юным, почти мальчишеским. Постарше там у них никого, что ли, не нашлось для расследования убийства?

– Хорошо, мы учтем вашу готовность помочь следствию, – сказал следователь, снова придавая лицу серьезное выражение. – А сейчас давайте проедем в отделение, нужно выполнить еще кое-какие формальности. Вы у нас пока первая подозреваемая.

– Я?! – поразила Маруся.

– Посудите сами. Вы первая оказались на месте преступления, у вас на манжете блузки кровь, скорее всего она принадлежит жертве, вы вызвали милицию, возможно, чтобы отвести от себя подозрение... Продолжать? Так что пока не будет доказано обратное, вы у нас первый кандидат. – Следователь потер лоб. – Задержать я вас пока не могу, без согласования с вашим командованием, но попрошу куда из города не уезжать до окончания следствия.

Когда они вышли на лестничную площадку, дверь соседней квартиры открылась, и из нее показалось встревоженное лицо пана Казимира. От волнения он зацепился за ручку и не смог сразу выехать на инвалидной коляске на площадку.

– Что произошло?!

– Вы сосед Дануты Витене? – строго спросил следователь Петраускас. – Наши сотрудники вас уже опрашивали?

– Ко мне в квартиру звонили, но, когда я открыл, за дверью никого не было, – начал объяснять пан Казимир. – Если это были ваши сотрудники, то они, наверное, подумали, что дома никого нет, и ушли. Я, как видите, не способен быстро передвигаться. Что все-таки случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.